

КТО ПОТЕРЯЛ РОССИЮ?*

Джозеф Стиглиц**

Резюме

Во многих странах процесс трансформации, начавшийся с падения Берлинской стены в конце 1989 г., еще далек от завершения. Но уже сейчас очевидно, что в России он происходит далеко не так, как обещали или надеялись сторонники рыночной экономики. Как показано в данной статье, для большинства населения экономическая жизнь при капитализме оказалась даже хуже, чем утверждали прежние коммунистические лидеры. Создана система кланового и мафиозного капитализма. Средний класс практически уничтожен. Единственное достижение – создание демократии – оказалось в лучшем случае весьма хрупким. Перспективы на будущее мрачные. В том, что произошло, виновата в первую очередь российская сторона. Однако и западные советники, в особенности из Соединенных Штатов и Международного валютного фонда, поощрявшие проведение политики Вашингтонского консенсуса, которая включала либерализацию цен и торговли, финансовую стабилизацию и приватизацию, также должны взять на себя определенную часть вины.

Классификация JEL: P21, P26, P27, P3

Ключевые слова: переходный период, рыночная экономика, демократия, Россия

1. ВВЕДЕНИЕ

С падения Берлинской стены в конце 1989 г. начался один из наиболее важных переходных экономических процессов всех времен. Это был второй смелый экономический и социальный эксперимент XX в.¹ Первым

* Stiglitz, J.E. (2002) Who Lost Russia? J.E. Stiglitz, *Globalization and Its Discontents*, New York, W.W. Norton, 133–165, 258–261.

© Stiglitz, 2002; © W.W. Norton, 2004

** Профессор Бизнес-школы Колумбийского университета (г. Нью-Йорк, США), e-mail: jes322@columbia.edu. Данная статья представляет собой главу из книги «Глобализация: тревожные тенденции», опубликованной издательством «W.W. Norton» в 2002 г.

¹ Значительная часть данной статьи написана на основе исследований, более подробно представленных в других работах. См. Stiglitz (2000; 2001). Кроме того, см. Ellerman, Stiglitz (2000); Hussain, Stern, and Stiglitz (2000). Блестящую журналистскую оценку процесса трансформации в России см. в Freeland (2000); Brady (1999); Lloyd (1999). Ряд политологов провели исследования, выводы которых в целом согласуются с представленными здесь интерпретациями. См., в частности, Cohen (1998; 2000); Reddaway, Glinski (2001); McFaul (2001); Brown, Shevtskova (2000); Hough, Armacost (2001). Неудивительно, что определенное число реформаторов дало собственную оценку, значительно отличающуюся от представленной в этой статье, несмотря на то что подобные интерпретации чаще встречались в более ранний и более многообещающий период процесса трансформации; при этом названия некоторых работ со всей очевидностью не соответствуют дальнейшему ходу событий. См., например, Aslund (1995); Layard, Parker (1996). Более скептические взгляды см. в Klein, Pomer (2001).

был переход России к коммунизму семьюдесятью годами ранее. Со временем провал этого первого эксперимента стал очевидным. В результате революции 1917 г. и советской гегемонии над значительной частью Европы после Второй мировой войны около 8% мирового населения, жившего при советской коммунистической системе, лишились политической свободы и возможности экономического процветания. Второй переходный процесс в России, так же как и в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, еще далек от завершения, однако многое ясно уже сейчас: в России он происходит далеко не так, как обещали или надеялись сторонники рыночной экономики. Для большинства людей, живущих в республиках бывшего Советского Союза, экономическая жизнь при капитализме оказалась даже хуже, чем утверждали прежние коммунистические лидеры. Перспективы на будущее мрачные. Средний класс практически уничтожен, создана система кланового и мафиозного капитализма, а единственное достижение – создание демократии со значимыми свободами, включая свободу прессы, – оказалось в лучшем случае весьма хрупким, в особенности после того, как прежде независимые телевизионные каналы были закрыты один за другим. В том, что произошло, виновата в первую очередь российская сторона. Однако определенную часть вины также должны взять на себя и западные советники, в особенности из Соединенных Штатов и Международного валютного фонда, столь быстро вступившие в страну стройными рядами, чтобы проповедовать евангелие рыночной экономики. Они, как минимум, обеспечивали поддержку тех, кто вел Россию и многие другие страны по пути новой религии – рыночного фундаментализма, – пришедшей на смену прежней – марксизму, доказавшему свою несостоятельность.

Россия – это нескончаемая драма. Немногие предвидели внезапный распад Советского Союза, а также неожиданный уход в отставку Бориса Ельцина. Некоторые считают, что проблема олигархии, самой худшей из крайностей за годы правления Ельцина, уже решена; другие просто считают, что некоторые олигархи всего лишь впали в немилость. Некоторые рассматривают увеличение объемов производства, последовавшее после кризиса 1998 г., как начало восстановления экономики, которое приведет к возрождению среднего класса; другие полагают, что для того, чтобы просто ликвидировать ущерб, нанесенный за последнее десятилетие, потребуются годы. В настоящее время доходы населения существенно ниже того уровня, который был десятилетие назад, а уровень бедности намного выше. Пессимисты рассматривают страну как ядерную державу, содрогнующуюся от политической и социальной нестабильности. Оптимисты (!) видят полуавторитарное руководство, пытающееся установить стабильность, но за счет утраты некоторых демократических свобод.

После 1998 г. в России произошло резкое увеличение темпов экономического роста, обусловленное высокими ценами на нефть и выгодами от девальвации, против которой так долго выступал Международный валютный фонд. Но по мере того как цены на нефть пошли вниз, а выгоды от девальвации исчерпали себя, темпы экономического роста также замед-

лились. Сегодня экономический прогноз несколько менее мрачен, чем он был во время кризиса 1998 г., но он не стал более определенным. Правительство едва сводило концы с концами, когда цены на нефть – основной экспортный товар страны – были высокими. Если цены на нефть упадут, что, по-видимому, рано или поздно произойдет, то оно может столкнуться с реальными проблемами. В лучшем случае можно сказать, что будущее остается туманным.

Неудивительно поэтому, что дискуссия о том, кто потерял Россию, имела столь широкий резонанс. С одной стороны, данный вопрос, очевидно, не совсем уместен. В Соединенных Штатах он воскрешает в памяти дискуссии полувековой давности о том, кто потерял Китай, когда в этой стране к власти пришли коммунисты. Но это не Америка потеряла Китай в 1949 г. и не Америка потеряла Россию спустя пятьдесят лет. Ни в одном из этих случаев ни Америка, ни западноевропейские страны не контролировали ход политических и социальных событий. В то же время понятно, что, очевидно, что-то происходило не так, причем не только в России, но и в большинстве из более чем двадцати стран, возникших в результате распада Советской империи.

Международный валютный фонд и другие западные лидеры утверждают, что ситуация была бы намного хуже, если бы не их помощь и советы. У нас не было и нет магического кристалла, который мог бы нам сказать, что произойдет в случае проведения альтернативной политики. У нас нет возможности провести контролируемый эксперимент, позволяющий вернуться назад во времени с тем, чтобы проверить на практике альтернативную стратегию. Мы не имеем возможности *удостовериться* в том, что могло бы иметь место.

Но мы, тем не менее, знаем, что были высказаны определенные политические и экономические оценки, и мы знаем, что их результаты оказались катастрофическими. В некоторых случаях связь между политикой и ее последствиями проследить легко. Так, Международный валютный фонд беспокоился о том, что девальвация рубля приведет к новому всплеску инфляции. Его упорное стремление к сохранению и поддержанию завышенного курса рубля в сочетании с кредитами на миллиарды долларов в конечном счете привело к краху российской экономики. (Когда в 1998 г. рубль, в конце концов, был девальвирован, темпы инфляции не возросли столь резко, как того опасался МВФ, а в экономике произошел первый существенный рост.) В других случаях связи являются более сложными. Но опыт нескольких стран, проводивших различную политику в процессе трансформации, помогает выбраться из этого лабиринта. Важно, чтобы в мире дали аргументированную оценку политики МВФ в России, тому, что ее определяло, и причинам того, почему она оказалась столь неадекватной. Те, кто имел возможность наблюдать своими глазами, как принимались решения и какими были их последствия, в том числе я сам, несут особую ответственность за свою интерпретацию соответствующих событий.

Существует и другая причина для переоценки ценностей. Сегодня, спустя десять лет после падения Берлинской стены, очевидно, что переход к рыночной экономике будет длительной битвой, и многие, если не большинство вопросов, казавшихся решенными всего несколько лет назад, необходимо будет пересмотреть. Только если мы поймем ошибки прошлого, мы сможем надеяться на проведение политики, которая наверняка окажется эффективной в будущем.

Лидеры революции 1917 г. осознавали, что на карту поставлено нечто большее, чем просто экономические изменения, а именно – изменения всех сторон общества. Аналогичным образом и переход от коммунизма к рыночной экономике представлял собой нечто большее, чем простой экономический эксперимент: он был трансформацией всего общества, а также социальных и политических структур. Одной из причин печальных результатов экономической трансформации явилось непонимание центральной роли этих других компонентов.

В период революции 1917 г. реформаторы понимали, сколь трудной является задача трансформации, и полагали, что ее нельзя решить демократическими средствами; в результате ее пришлось осуществлять посредством «диктатуры пролетариата». Некоторые из лидеров революции 1990-х гг. изначально считали, что, освободившись от оков коммунизма, российский народ быстро оценит преимущества рынка. Однако некоторые российские рыночные реформаторы (как и их западные сторонники и советники) мало верили или были слабо заинтересованы в демократии, опасаясь, что если российский народ будет иметь возможность выбора, он не выберет «правильную» (то есть *их*) экономическую модель. В странах Восточной Европы и республиках бывшего Советского Союза, где преимущества «рыночных реформ» не смогли материализоваться в одной стране за другой, результатом демократических выборов стал отказ от крайностей рыночных реформ и приход к власти социально-демократических или даже «реформированных» коммунистических партий, многие из которых возглавляли бывшие коммунисты. Неудивительно, что многие рыночные реформаторы продемонстрировали явную склонность к старым методам управления: в России президента Ельцина, обладавшего гораздо большей властью по сравнению с его коллегами в любой западной демократической стране, побуждали к проведению рыночных реформ путем издания декретов в обход избранной демократическим путем Государственной думы (Wedel (1998)). Это все равно, как если бы рыночные большевики, местные правоверные, а также западные эксперты и евангелисты новой экономической религии, попавшие в постсоциалистические страны, попытались использовать мирную версию ленинских методов для осуществления посткоммунистической «демократической» трансформации.

2. ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ

Процесс трансформации, начавшийся в начале 1990-х гг., представлял собой большую проблему, но в то же время открывал большие возможно-

сти. Прежде было редкостью, чтобы какая-либо страна принимала добровольное решение перейти от ситуации, когда государство контролирует практически каждый аспект экономической деятельности, к ситуации, когда решения принимаются посредством рынков. Китайская народная республика приступила к трансформации в конце 1970-х гг., но она по-прежнему далека от создания полноценной рыночной экономики. Одним из наиболее успешных примеров трансформации был Тайвань, расположенный в 100 милях от побережья материкового Китая и с конца XIX в. являвшийся японской колонией. После китайской революции 1949 г. он стал прибежищем для старого националистического руководства, которое, находясь на своей базе в Тайване, провозгласило суверенитет всего острова, сохранив его название – «Китайская Республика». Оно национализировало и перераспределило землю, реорганизовало, а затем частично приватизировало ряд ключевых отраслей и весьма решительно создало жизнеспособную рыночную экономику. После 1945 г. многие страны, включая Соединенные Штаты, перешли от мобилизации военного времени к экономике мирного времени. В то время многие экономисты и эксперты опасались, что за демобилизацией военного времени, которая подразумевала не только изменение механизма принятия решений (отказ от определенного варианта командно-административной экономики, когда военное правительство принимает все основные решения относительно производства, и возврат к принятию производственных решений в рамках частного сектора экономики), но также и масштабную переориентацию производства товаров, например с танков на автомобили, последует серьезный спад. Но к 1947 г., второму полноценному послевоенному году, объемы производства в Соединенных Штатах на 9.6% превышали уровень 1944 г., последнего года войны. К концу войны (1945 г.) 37% ВВП так или иначе было связано с обороной. В мирных условиях эта цифра быстро была снижена до 7.4% (1947 г.).

Однако имелось одно важное отличие между переходом от войны к миру и переходом от коммунизма к рыночной экономике, на чем я более подробно остановлюсь позднее: до Второй мировой войны в Соединенных Штатах уже существовали базовые рыночные институты, несмотря на то что во время войны многие из них не функционировали и были заменены методами, основанными на «приказах и контроле». В отличие от этого Россия нуждалась в перераспределении ресурсов и создании множества рыночных институтов.

Но с аналогичными проблемами столкнулись Тайвань и Китай в процессе трансформации экономики. Обе страны столкнулись с проблемой коренной трансформации общества, включая необходимость создания основополагающих рыночных институтов. И обе страны достигли в этом действительно впечатляющего успеха. Взамен продолжающегося трансформационного спада они приблизились к двузначным темпам экономического роста. Радикальные реформаторы, стремившиеся дать советы России и многим другим странам с переходной экономикой, уделяли мало внима-

ния их опыту и урокам, которые можно было извлечь. Это происходило не потому, что они считали, что история России (или история других стран, осуществляющих трансформацию) делает эти уроки непригодными. Они упорно игнорировали советы российских ученых (несмотря на то что последние были специалистами в области истории, экономики и обществоведения) по одной простой причине: они полагали, что почти завершившаяся *рыночная революция* сделает неуместной всю информацию, полученную из всех этих источников знания. То, что проповедовали сторонники рыночного фундаментализма, так это экономическую теорию из стандартных учебников – сверхупрощенную версию рыночной экономики, уделявшую мало внимания динамике изменений.

Рассмотрим проблемы, с которыми столкнулась Россия (или другие страны) в 1989 г. В России существовали институты с *такими же* названиями, что и на Западе, но они не выполняли те же функции. В России имелись банки, но банки не сохраняли сбережения; более того, они не принимали решения о том, кому предоставлять кредиты; они также не несли никакой ответственности за контроль и обеспечение возврата кредитов. Скорее, банки просто обеспечивали «финансирование» в соответствии с указаниями Госплана. В России имелись фирмы, предприятия, производящие продукцию, но эти предприятия не принимали решений: они производили то, что им говорили производить с учетом тех факторов (сырья, рабочей силы и оборудования), которые им предоставлялись. Основным полем деятельности для предпринимательства было решение проблем, поставленных государством: государство определяло объемы производства для предприятий, но не всегда обеспечивало их необходимым количеством производственных факторов, а в некоторых случаях поставляло больше, чем это необходимо. Предприимчивые руководители предприятий заключали соглашения друг с другом, чтобы иметь возможность выполнить плановое задание, попутно получая несколько более высокие доходы по сравнению с теми, которые они могли получить в качестве официальной заработной платы. Подобная деятельность, в которой постоянно нуждалась советская система для простого обеспечения собственного функционирования, породила коррупцию, которая усилилась с началом перехода России к рыночной экономике.² Обход действовавшего законодательства, если не открытое его нарушение стали частью образа жизни, предтечей конца «верховенства закона», что явилось отличительной чертой трансформации.

Как и при рыночной экономике, в рамках советской системы существовали цены, но они устанавливались не рынком, а правительством. Цены на некоторые товары, такие как товары первой необходимости, искусственно занижались, позволяя сводить концы с концами людям, находящимся на нижней границе распределения доходов. Цены на электроэнергию и природные ресурсы также искусственно занижались, что вслед-

² Дополнительную литературу см. в Murrell (1991).

ствие огромных запасов этих ресурсов могла позволить себе только Россия.

В устаревших учебниках по экономической теории зачастую говорится о рыночной экономике так, как если бы она включала три существенных элемента: цены, частную собственность и мотив получения прибыли. Наряду с конкуренцией эти элементы обеспечивают стимулы, координируют процесс принятия экономических решений, гарантируют то, что фирмы произведут продукцию, необходимую потребителям, с минимальными издержками. Но не менее важно понимание роли *институтов*. Наиболее значимыми из них являются правовые и регулятивные рамки, обеспечивающие выполнение контрактов, четкое разрешение коммерческих споров, проведение четких процедур банкротства в ситуациях, когда заемщики не могут вернуть деньги кредиторам, поддержание конкуренции и контроль за тем, чтобы банки, привлекающие вклады, были в состоянии вернуть деньги вкладчикам по их первому требованию. Данная система законов и регулирующих органов позволяет гарантировать, что рынки ценных бумаг функционируют надлежащим образом, что руководители предприятий не обманывают акционеров, а акционеры, обладающие контрольным пакетом акций, не обманывают миноритарных акционеров. В странах с развитой рыночной экономикой правовые и регулятивные рамки были созданы более ста пятидесяти лет назад в ответ на проблемы, порожденные стихийным развитием рыночного капитализма. Банковское регулирование появилось после массового банкротства банков, регулирование рынка ценных бумаг – после многочисленных случаев обмана излишне доверчивых акционеров. Странам, стремящимся создать рыночную экономику, не было необходимости вновь переживать подобные катастрофы: они могли извлечь уроки из опыта других стран. Но, несмотря на то что рыночные реформаторы могли ссылаться на важную роль институциональной инфраструктуры, они быстро забывали об этом. Они пытались избрать самый короткий путь к капитализму, создавая рыночную экономику без основополагающих институтов, а институты – без основополагающей институциональной инфраструктуры. Но прежде чем создать рынок ценных бумаг, необходимо убедиться в том, что существуют реальные правила регулирования. Новые фирмы должны иметь возможность привлекать новый капитал, а это требует наличия банков, которые в действительности являются банками, а не тем типом учреждений, который был характерен для старого режима, или банками, просто предоставляющими кредиты правительству. Реальная и эффективная банковская система требует жесткого банковского регулирования. Новые фирмы должны иметь возможность покупать землю, а это требует создания рынка земли и системы регистрации прав собственности на земельные участки.

Аналогичным образом, в советское время фермерам выдавали семена и удобрения для проведения сельскохозяйственных работ. Им не надо было беспокоиться о получении этих и других факторов производства (таких как тракторы) или о сбыте своей продукции. Однако в условиях

рыночной экономики должны существовать рынки факторов производства и готовой продукции, для чего необходимы новые фирмы или предприятия. Важное значение имеют также социальные институты. В рамках старой системы в Советском Союзе не было безработицы и, следовательно, не было необходимости в страховании по безработице. Люди обычно работали на одном и том же предприятии всю свою жизнь, а фирма обеспечивала их жильем и пенсиями. Но если бы после 1989 г. в России существовал рынок труда, то индивиды имели бы возможность переходить из одной фирмы в другую. Однако если они не могли получить жилье, подобная мобильность стала бы практически невозможной. Таким образом, необходим рынок жилья. Минимальный уровень социальной ответственности означает, что работодатели будут неохотно увольнять работников, если у последних нет иных средств к существованию. Следовательно, существенная «реструктуризация» экономики невозможна без создания сети социального обеспечения. К сожалению, ни рынка жилья, ни реальной сети социального обеспечения в новой России в 1989 г. не было.

Проблемы, с которыми столкнулись республики бывшего Советского Союза и другие страны коммунистического блока с переходной экономикой, были пугающими: необходимо было перейти от одной ценовой системы – искаженной системы цен, преобладавшей при коммунизме, – к рыночной системе цен; создать рынки и институциональную инфраструктуру, которые легли бы в основу новой системы ценообразования; осуществить приватизацию всей собственности, которая ранее находилась в руках государства. Необходимо было создать новый тип предпринимательства – отличный от того типа, который умело обходил правила и законы, установленные государством, – и новые предприятия, чтобы содействовать перераспределению ресурсов, которые прежде использовались столь неэффективно.

Вне зависимости от того, как на это смотреть, данные страны столкнулись с трудным выбором. Дискуссии относительно того, какой выбор сделать, были ожесточенными. Наиболее спорные вопросы касались темпов реформирования: некоторых экспертов беспокоило то, что если приватизацию не провести быстро, сформировав большую группу людей, заинтересованных в капитализме, то произойдет возврат к коммунизму. Но других беспокоило то, что если двигаться слишком быстро, то реформы обернутся катастрофой – экономическим крахом, усугубленным коррупцией в политической сфере, – которая позволит осуществить реванш со стороны или крайне левых, или крайне правых. Первое направление получило название «шоковая терапия», второе – «градуализм».

Взгляды сторонников шоковой терапии – решительно отстаивавшиеся Министерством финансов США и Международным валютным фондом – превалировали в большинстве стран. Градуалисты, однако, полагали, что переход к рыночной экономике будет более эффективным, если двигаться с умеренной скоростью и в правильном порядке («последовательности»). Считалось, что *совершенные* институты не нужны. Но, в ка-

честве примера, заметим, что приватизация монополии до создания эффективной конкуренции или регулирующего органа могла привести просто к замене государственной монополии частной монополией, еще более безжалостной в эксплуатации потребителя. Десять лет спустя здравый смысл градуалистского подхода был, наконец, признан: черепахи догнали зайцев. Градуалисты в своей критике шоковой терапии не только точно предсказали ее провал, но также изложили причины, почему подобная политика будет неэффективной. Единственным их просчетом оказалась недооценка масштабов катастрофы.

Если проблемы, вызванные трансформацией, были огромными, то такими же были и ее возможности. Россия была богатой страной. В то время как три четверти века коммунизма могли привести к забвению того, как функционирует рыночная экономика, одновременно в эти годы в стране был обеспечен высокий уровень образования, в особенности в технических областях, столь важных для новой экономики. В конце концов, Россия была первой страной, пославшей человека в космос.

Экономическая теория давала четкое объяснение провала коммунизма. Централизованное планирование обречено на провал просто потому, что ни один государственный орган не может собрать и обработать всю информацию, необходимую для эффективного функционирования экономики. Без частной собственности и мотива получения прибыли стимулы – в особенности стимулы руководителей предприятий и предпринимателей – отсутствовали. Режим ограничения торговли в сочетании с огромными субсидиями и произвольно устанавливаемыми ценами означал, что система была полностью деформирована.

Из этого следовало, что замена централизованного планирования децентрализованной рыночной системой, государственной собственности – частной собственностью и устранение, или по крайней мере уменьшение, деформаций путем либерализации торговли приведет к бурному экономическому росту. Еще большие возможности для повышения уровня жизни предоставляло сокращение военных расходов, поглощавших значительную долю ВВП во времена существования СССР, – в пять раз большую, чем в период после окончания холодной войны. Однако вместо этого уровень жизни населения в России и во многих других странах Восточной Европы с переходной экономикой упал.

3. ИСТОРИЯ «РЕФОРМ»

Первые ошибки были допущены почти сразу же после начала трансформации. В 1992 г. в азарте построения рыночной экономики большинство цен были моментально либерализованы, что привело к инфляции, уничтожившей сбережения и сделавшей макроэкономическую стабилизацию первоочередной задачей программы реформ. Все осознавали, что в условиях гиперинфляции (двухзначных темпов инфляции *в месяцы*) будет очень сложно достичь успеха в осуществлении трансформации. Таким образом,

первый раунд шоковой терапии – моментальная либерализация цен – повлек за собой второй раунд: обуздание инфляции. Это подразумевало ужесточение монетарной политики, то есть повышение процентных ставок.

Несмотря на то что в большинстве своем цены были полностью свободными, цены на некоторые из наиболее важных товаров, такие как природные ресурсы, поддерживались на низком уровне. В условиях недавно провозглашенной «рыночной экономики» это было откровенным приглашением: если вы можете купить, скажем, нефть и перепродать ее на Западе, вы сможете заработать миллионы или даже миллиарды долларов. Так люди и поступали. Вместо зарабатывания денег путем создания новых предприятий они обогащались на новой форме старого предпринимательства – использовании ошибочной государственной политики. И именно подобное поведение, ориентированное на «поиск ренты», послужит аргументом для реформаторов, которые утверждали, что проблема заключалась не в том, что реформы проводились слишком быстро, а в том, что они проводились слишком медленно. Если бы только *все* цены были либерализованы сразу же! Этот аргумент во многом справедлив, однако для оправдания радикальных реформ он не подходит. Политические процессы никогда не обеспечивают технократам полной свободы действий по вполне убедительной причине: как мы видели, технократы зачастую упускают из виду важные экономические, социальные и политические аспекты. Реформа, даже в условиях эффективно функционирующей политической и экономической системы, всегда является «грязной» работой. Даже если был смысл в проведении моментальной либерализации, возникал вполне разумный вопрос, каким образом следовало ее осуществлять в отсутствие возможности быстро либерализовать цены в некоторых важных секторах экономики, например цены на электроэнергию.

Либерализация и стабилизация были двумя столпами стратегии радикальных реформ. Третьим столпом была быстрая приватизация. Но первые два столпа встали препятствием на пути третьего. Высокая инфляция с самого начала уничтожила сбережения большинства россиян, так что в стране не было достаточного количества людей, которые располагали деньгами для покупки приватизированных предприятий. Даже если они могли позволить себе покупку предприятий, было бы очень сложно их модернизировать, учитывая высокие процентные ставки и отсутствие финансовых институтов, обеспечивающих предложение капитала.

Предполагалось, что приватизация будет первым шагом в процессе реструктуризации экономики. Должна была измениться не только форма собственности, но и методы управления; предприятия должны были переориентироваться с производства того, что им говорили производить, на производство того, что необходимо потребителям. Такая реструктуризация, безусловно, потребовала бы новых инвестиций и, во многих случаях, увольнения работников. Увольнение работников способствует повышению общей эффективности, конечно же, только в том случае, если в ре-

зультате работники переходят с низкоэффективных предприятий на высокоэффективные. К сожалению, подобная конструктивная реструктуризация произошла в очень незначительной степени, отчасти вследствие того, что стратегия реформ поставила практически непреодолимые препятствия на ее пути.

Стратегия радикальных реформ оказалась неэффективной: после 1989 г. ВВП России ежегодно падал. То, что рассматривалось как краткосрочная трансформационная рецессия, обернулось десятилетним или даже более продолжительным спадом. Казалось, что нижняя точка спада не будет достигнута никогда. Развал – падение ВВП – был в России большим, чем после Второй мировой войны. В период 1940–1946 гг. объемы промышленного производства в Советском Союзе упали на 24%. В период 1990–1999 гг. объемы промышленного производства в России сократились почти на 60% – даже больше, чем ВВП (54%). Те, кто знаком с историей предыдущего переходного процесса, направленного на построение коммунизма в период российской революции, могут провести определенные аналогии между тем социально-экономическим шоком и процессом трансформации после 1989 г.: поголовье скота в сельском хозяйстве сократилось наполовину, инвестиции в производство снизились практически до нуля. России удалось привлечь определенные иностранные инвестиции в добычу природных ресурсов; но опыт Африки давно показал, что если установить цены на природные ресурсы на достаточно низком уровне, то привлечь иностранные инвестиции в их добычу будет несложно.

Программа стабилизации, либерализации и приватизации, конечно же, не была программой достижения экономического роста. Ее целью было создание предпосылок для роста. Вместо этого она создала предпосылки для спада. Происходило не только сокращение инвестиций, но и износ капитала – сбережения были обесценены инфляцией, поступления от приватизации или иностранные кредиты большей частью подверглись расхищению. Приватизация, сопровождавшаяся открытием рынков капитала, привела не к созданию богатства, а к выводу активов. Это было полностью закономерно. Естественно, что олигарх, который уже смог использовать свое политическое влияние для получения активов, стоящих миллиарды долларов, заплатив за них лишь небольшие деньги, захочет вывести свои деньги из страны. Хранение денег в России означало их инвестирование в страну, находящуюся в состоянии глубокой депрессии, и риск не только получения низкой прибыли, но и конфискации активов новым правительством, которое рано или поздно выскажет вполне обоснованные сомнения в «легитимности» процесса приватизации. Любой, кто проявил достаточно сообразительности, чтобы выйти победителем в приватизационной гонке, проявит достаточную сообразительность, чтобы вложить свои деньги в быстро растущий рынок ценных бумаг в США или перевести их в безопасное место на засекреченные счета в офшорных банках. Для этого не надо было даже рисковать и уезжать из страны, и поэтому неудивительно, что миллиарды долларов «утекли» за рубеж.

Международный валютный фонд по-прежнему обещал, что восстановление экономики не за горами. К 1997 г. у него было основание для оптимизма. Когда за период с 1990 г. объемы производства уже сократились на 41%, насколько еще они могли упасть? Кроме того, страна выполняла многое из того, на чем акцентировал внимание МВФ. Она провела либерализацию, хотя и неполную, осуществила стабилизацию, хотя и не до конца (темпы инфляции были существенно сокращены), и провела приватизацию. Но, безусловно, несложно быстро провести приватизацию, если никто не уделяет должного внимания тому, *каким образом* это делать: по сути, правительство отказывалось от ценной государственной собственности и передавало ее в чужие руки. В действительности это может принести правительству существенную выгоду, если выплата «благодарности» осуществляется наличными или путем финансирования политических кампаний (или обоими способами).

Но первые признаки восстановления экономики, наметившиеся в 1997 г., быстро исчезли. Фактически решающую роль сыграли ошибки МВФ, допущенные в другой, отдаленной части мира. В 1998 г. дали о себе знать последствия кризиса в Восточной Азии. Кризис вызвал осторожное отношение к инвестициям в развивающиеся рынки, и инвесторы требовали в качестве компенсации более высокой доходности при предоставлении кредитов этим странам. Отражением падения ВВП и инвестиций стало плачевное состояние государственных финансов: российское правительство осуществляло значительные заимствования. Несмотря на то что сбалансировать бюджет достаточно трудно, правительство, принуждаемое Соединенными Штатами, Всемирным банком и Международным валютным фондом к быстрой приватизации, за бесценок продало государственные активы и сделало это до того, как была создана эффективная налоговая система. Государство породило могущественный класс олигархов и бизнесменов, которые заплатили в виде налогов лишь небольшую часть того, что находилось в их собственности, намного меньше того, что им пришлось бы заплатить в любой другой стране.

Таким образом, во время кризиса в Восточной Азии Россия оказалась в странной ситуации. Страна располагала огромными запасами природных ресурсов, но ее правительство было бедным. Государство фактически отказывалось от ценных государственных активов, несмотря на свою неспособность обеспечить выплату пенсий пожилым людям и социальных пособий малообеспеченным слоям населения. Правительство занимало миллиарды долларов у МВФ, все больше погрязая в долгах, в то время как олигархи, получившие такой щедрый дар от государства, выводили миллиарды долларов из страны. Международный валютный фонд побуждал правительство к либерализации операций по капитальному счету, обеспечивающей свободное перемещение капиталов. Предполагалось, что подобная политика сделает страну более привлекательной для иностранных инвесторов; но в действительности она превратилась в дорогу с односторонним движением, облегчив вывод денег из страны.

3.1. Кризис 1998 года

Страна глубоко погрязла в долгах, и более высокие процентные ставки, явившиеся следствием кризиса в Восточной Азии, создали огромные дополнительные проблемы. Эта неустойчивая башня рухнула, как только снизились цены на нефть. Вследствие рецессии и депрессии в странах Юго-Восточной Азии, которые были усугублены политикой Международного валютного фонда, спрос на нефть не только перестал расти, как ожидалось, но фактически снизился. Возникшее в результате неравновесие между спросом и предложением нефти обернулось значительным падением цен на сырую нефть (более чем на 40% в первые шесть месяцев 1998 г. по сравнению со средним уровнем цен в 1997 г.). Нефть – это основной экспортный товар и основной источник налоговых поступлений российского государства, так что неудивительно, что падение цен имело разрушительные последствия. Нам во Всемирном банке стало известно о данной проблеме в начале 1998 г., когда цены уже готовы были упасть даже ниже уровня издержек России по добыче и транспортировке нефти. Учитывая обменный курс на тот момент времени, нефтедобывающая промышленность России могла стать убыточной. В таком случае становилась неизбежной девальвация рубля.

Было очевидно, что обменный курс рубля завышен. Россия была наводнена импортными товарами, тогда как отечественные производители, не выдерживая конкуренции, переживали трудные времена. Предполагалось, что поворот в сторону рыночной экономики и отход от милитаризма позволят перераспределить ресурсы в пользу производства большего количества потребительских товаров или большего количества оборудования для производства потребительских товаров. Но инвестиции сократились, и страна прекратила производство потребительских товаров. Завышенный обменный курс в сочетании с другой макроэкономической политикой, навязанной стране Международным валютным фондом, привел Россию к краху. Несмотря на низкий официальный уровень безработицы, в стране существовала массовая скрытая безработица. Руководители многих предприятий неохотно увольняли работников, принимая во внимание отсутствие адекватной сети социального обеспечения. Безработица была хоть и небольшой, но достаточно болезненной: в то время как работники делали вид, что работают, руководители предприятий делали вид, что платят им заработную плату. Задержки выплаты заработной платы были массовыми, и когда работники все же ее получали, то зачастую это были не рубли, а продукция предприятия.

Если для этих людей и для страны в целом завышенный обменный курс был катастрофой, то для нового класса бизнесменов он был благом. Им требовалось меньше рублей, чтобы купить себе «мерседесы», дамские сумочки от Шанель и импортные итальянские деликатесы. Завышенный обменный курс был благом и для олигархов, пытающихся вывести деньги из страны, поскольку они могли получить больше долларов за рубли в случае перевода своей прибыли на счета в иностранных банках.

Несмотря на эти страдания большинства россиян, реформаторы и их советники из Международного валютного фонда опасались девальвации, полагая, что она вызовет новый всплеск гиперинфляции. Они сильно сопротивлялись любым изменениям обменного курса и были готовы привлечь в страну миллиарды долларов, чтобы этого избежать. К маю и, конечно же, к июню 1998 г. стало очевидно, что для поддержания обменного курса России необходима внешняя помощь. Доверие к валюте было подорвано. Вследствие уверенности в неизбежности девальвации внутренние процентные ставки резко возросли, и по мере того как люди конвертировали свои рубли в доллары, все больше денег выводилось из страны. По причине этой боязни хранить рубли и отсутствия уверенности в способности государства вернуть долги, к июню 1998 г. правительство было вынуждено выплачивать 60% годовых по своим рублевым займам (ГКО, российский эквивалент американских казначейских облигаций). Буквально через несколько недель эта цифра возросла до 150%. Даже когда правительство пообещало осуществлять выплаты в долларах, оно столкнулось с высокими процентными ставками (доходность по номинированным в долларах долговым обязательствам, выпущенным российским правительством, увеличилась с около 10% до почти 50%, что на 45 процентных пунктов больше, чем процентная ставка, которую в то время было вынуждено выплачивать правительство США по своим казначейским облигациям); субъекты рынка полагали, что существует высокая вероятность дефолта, и они оказались правы. Даже эта процентная ставка была ниже, чем в противоположной ситуации, поскольку многие инвесторы считали, что Россия является слишком большой страной и имеет слишком важное значение, чтобы потерпеть крах. Поскольку инвестиционные банки Нью-Йорка выделили России кредиты, они стали распространять слухи о том, насколько крупной должна быть программа помощи МВФ.

Кризис усиливался таким же образом, как это зачастую бывает с подобными кризисами. Спекулянты могли видеть, сколько резервов оставалось у центрального банка, и по мере того как резервы сокращались, ставка на девальвацию становилась беспроектной. Они почти ничем не рисковали, делая ставку на обвал рубля. Как и ожидалось, МВФ пришел на помощь, выделив России в июле 1998 г. 4.8 млрд долл.³

В недели, предшествовавшие кризису, Международный валютный фонд проводил политику, которая после наступления кризиса лишь усугубила его. МВФ оказывал давление на Россию с тем, чтобы она осуществляла больше займов в иностранной валюте и меньше займов в рублях. Аргумент был прост: процентная ставка по рублевым займам намного превышала процентную ставку по валютным займам. Осуществляя заимствования в долларах, правительство могло сэкономить деньги. Но данный аргумент имел существенный недостаток. Базовая экономическая теория утверждает, что разница между процентными ставками по долларовым и

---

³ См. IMF (1998).

рублевым облигациям должна отражать ожидание девальвации. Рынки приходят в состояние равновесия, так что издержки заимствования (или доход заимодавца), скорректированные с учетом риска, являются одинаковыми. У меня гораздо меньше уверенности в рынках, чем у МВФ; тем самым, я в гораздо меньшей степени верю, что в действительности издержки заимствования, скорректированные с учетом риска, одинаковы вне зависимости от валюты. Но наряду с этим у меня гораздо меньше уверенности в том, что Международный валютный фонд и его чиновники могут предсказать изменения обменного курса лучше, чем рынок. В случае России чиновники из МВФ полагали, что они умнее рынка – они были готовы сделать ставку на российские деньги, хотя рынок считал, что это неправильно. Это заблуждение МВФ повторялось в различных формах вновь и вновь. Но неверным было не только это убеждение. МВФ подверг Россию огромному риску: если бы девальвация рубля все же произошла, России стало бы намного труднее возвращать номинированные в долларах займы.⁴ Международный валютный фонд решил проигнорировать этот риск; побуждая к росту внешних заимствований и делая положение России в случае девальвации гораздо более сложным, МВФ несет свою долю ответственности за то, что в итоге Россия приостановила выплаты по своим долгам.

3.2. Программа помощи

Когда произошел кризис, Международный валютный фонд предпринял усилия по оказанию помощи, но хотел при этом, чтобы 6 млрд долл. из пакета помощи предоставил Всемирный банк. Общий пакет помощи равнялся 22.6 млрд долл. Как я указывал выше, МВФ намеревался обеспечить 11.2 млрд долл. из этой суммы, Всемирный банк планировал выдать кредит в размере 6 млрд долл., а остальную сумму должно было выделить правительство Японии.

Этот вопрос горячо обсуждался во Всемирном банке. Многие из нас с самого начала сомневались в необходимости предоставления кредитов России. Мы задавались вопросом, а были ли выгоды в виде возможности экономического роста в будущем достаточно большими, чтобы оправдать выдачу кредитов, которые оставляют наследие в виде долгов. Многие полагали, что Международный валютный фонд облегчает правительству отсрочку важных реформ, таких как создание системы сбора налогов с нефтедобывающих компаний. Кроме того, бросались в глаза факты, свидетельствующие о коррупции в России. Собственное исследование коррупции Всемирного банка показало, что данный регион является одним из самых

⁴ Некоторые экономисты утверждают, что в действительности Международный валютный фонд не игнорировал данный аргумент. Фактически они полагают, что МВФ пытался не допустить девальвации, делая издержки столь высокими, чтобы страна не решилась на ее проведение. Если это на самом деле так, то Международный валютный фонд серьезно ошибся в своих расчетах.

коррупцированных в мире. На Западе знали, что большая часть из этих миллиардов будет использована не по назначению, а пойдет семьям и приятелям коррупцированных чиновников и их друзьям-олигархам. Несмотря на то что Всемирный банк и Международный валютный фонд, казалось бы, занимали твердую позицию, отказывая в предоставлении кредитов коррупцированным правительствам, выяснилось, что существуют двойные стандарты. Небольшим странам, не имеющим стратегического значения, таким как Кения, было отказано в кредитах по причине коррупции, тогда как такие страны, как Россия, с гораздо большими масштабами коррупции, продолжали получать деньги взаймы.

Помимо этих моральных соображений существовали и собственно экономические причины. Предполагалось, что деньги МВФ, выделяемые на оказание помощи, будут использованы на поддержание обменного курса. Однако если обменный курс валюты определенной страны завышен и это оказывает негативное воздействие на ее экономику, то поддержание обменного курса практически лишено всякого смысла, поскольку страна все равно будет нести потери. Но в более вероятной ситуации, когда подобная поддержка не дает результата, деньги будут тратиться напрасно и страна будет все больше погрязать в долгах. Наши расчеты показали, что обменный курс в России был завышен, так что выделение денег на поддержание этого курса являлось просто неудачной экономической политикой. Более того, расчеты, выполненные Всемирным банком до выдачи кредитов, исходя из оценок изменения во времени государственных доходов и расходов, четко показывали, что выдача кредита в июле 1998 г. результата не даст. Если бы процентные ставки чудесным образом не понизились бы, то к следующей осени Россия вновь столкнулась бы с кризисом.

Существовал и другой ход рассуждений, посредством которого я пришел к выводу, что дальнейшее предоставление кредитов России будет большой ошибкой. Россия была страной, богатой природными ресурсами. Если бы она правильно ими распорядилась, то не нуждалась бы в деньгах со стороны; а если она не распорядилась ими правильно, то было очевидно, что любые деньги извне не будут иметь большого значения. При любом сценарии аргументы против предоставления денег казались неоспоримыми.

Несмотря на сильное сопротивление со стороны сотрудников, Всемирный банк под огромным политическим давлением Администрации президента Клинтона выделил деньги России. Всемирный банк пришел к компромиссу, публично объявив о предоставлении очень большого кредита, но отдельными траншами, то есть частями. Было принято решение сразу же выделить 300 млн долл., а остальную часть – позднее по мере прогресса экономических реформ в России. Большинство из нас считало, что данная программа потерпит неудачу задолго до того, как наступит время выделять следующие транши денег. Наши прогнозы оказались верными. Удивительно, но Международному валютному фонду, по всей видимости, удалось не заметить коррупцию и сопутствующие риски относительно того,

что произойдет с деньгами. МВФ фактически полагал, что поддержание обменного курса на завышенном уровне является благом и что средства позволят это делать в течение более чем нескольких месяцев. Фонд выделил стране миллиарды долларов.

3.3. Провал программы помощи

Через три недели после получения кредита Россия объявила об односторонней приостановке платежей по долгам и девальвации рубля.⁵ Рубль рухнул. К январю 1999 г. реальный эффективный курс рубля снизился более чем на 45% по сравнению с уровнем июля 1998 г.⁶ События 17 августа ускорили наступление глобального финансового кризиса. Процентные ставки на развивающихся рынках превысили уровень, на котором они находились на пике кризиса в Восточной Азии. Даже те развивающиеся страны, которые проводили здравую экономическую политику, столкнулись с невозможностью привлечения дополнительных финансовых средств. Рецессия в Бразилии усугубилась, и в конечном счете страна также столкнулась с валютным кризисом. Аргентина и другие страны Латинской Америки, только начавшие постепенно восстанавливаться после предыдущего кризиса, вновь оказались на краю пропасти. Даже Соединенные Штаты не остались в стороне. Федеральный резервный банк Нью-Йорка в частном порядке оказал помощь одному из крупнейших в стране хеджевых фондов «Long-Term Capital Management», поскольку ФРС опасалась, что его банкротство может ускорить наступление глобального финансового кризиса.

Сюрпризом относительно обвала рубля стал не сам факт обвала, а то, что он фактически застал врасплох ряд чиновников Международного валютного фонда, включая некоторых из самых высокопоставленных. Они искренне полагали, что их программа помощи будет работать.

---

⁵ Безусловно, заявление российского правительства от 17 августа включало не только это, но данные положения имеют ключевое значение для целей нашего анализа. Помимо этого, российское правительство установило временный контроль за потоками капитала, такой как запрет для нерезидентов инвестировать в краткосрочные активы, номинированные в рублях, и девятистодневный мораторий на выдачу кредитов и выплату страховых платежей в иностранной валюте. Российское правительство объявило также о своей поддержке платежного фонда, созданного крупнейшими российскими банками для обеспечения стабильности платежей, и потребовало от Государственной думы созыва внеочередной сессии для принятия проектов законов, направленных на обеспечение своевременной выплаты пенсий и заработной платы работникам бюджетной сферы и оздоровление банковской системы. Подробности см. по адресу <http://www.bisnis.doc.gov/bisnis/country/980818ru.htm>, где представлены оригинальные тексты двух заявлений правительства для общественности от 17 августа 1998 г.

⁶ Во вторник 17 августа 1998 г. на Московской межбанковской валютной бирже обменный курс рубля по отношению к доллару упал на 1.9% по сравнению с уровнем на 16 августа; однако к концу недели (пятница, 21 августа) падение составило 11% (опять-таки по сравнению с уровнем на 16 августа). В то же время 17 августа 1998 г. на неофициальном межбанковском валютном рынке курс рубля упал к концу дня на 26%.

Наши собственные прогнозы подтвердились лишь частично: мы считали, что деньги помогут поддерживать обменный курс в течение трех месяцев; их хватило на три недели. Мы полагали, что олигархам потребуются дни или даже недели, чтобы вывести деньги из страны; это заняло всего лишь несколько часов или дней. Российское правительство даже «позволило» обесцениться обменному курсу. Как мы видели, это означало, что олигархам потребуется потратить меньше рублей на покупку долларов. Улыбающийся Виктор Геращенко, председатель Центрального банка России, говорил президенту Всемирного банка и мне, что это было просто «функционирование рыночных сил». Когда Международный валютный фонд столкнулся с фактами – миллиарды долларов, выданные (в качестве кредита) России, осели на банковских счетах на Кипре и в Швейцарии спустя всего лишь несколько дней после предоставления кредита, – он заявил, что это не *его* доллары. Данный аргумент показал либо полное непонимание экономики, либо уровень изворотливости, сопоставимый с продемонстрированным Геращенко, либо и то, и другое. Когда деньги были выделены России, то поступили они не в форме помеченных долларовых банкнот. Тем самым, нельзя сказать, что это «наши» деньги ушли куда-то. МВФ предоставил России доллары – финансовые средства, которые, в свою очередь, переключались к местным олигархам, и те вывели их из страны. Некоторые из нас язвительно отмечали, что Международный валютный фонд мог бы всем значительно облегчить жизнь, просто перечислив деньги напрямую на банковские счета в Швейцарии и на Кипре.

Конечно, от оказанной помощи выиграли не только олигархи. Уолл-Стрит и другие западные инвестиционные банки, которые были среди тех, кто оказывал наибольшее давление с целью предоставления пакета помощи, знали, что бесконечно так продолжаться не может: они также взяли небольшую передышку, которую они могли себе позволить, обеспечив непрерывность притока помощи, чтобы покинуть страну с тем, что еще можно было спасти.

Предоставив кредит по необоснованной причине, МВФ лишь способствовал увеличению долгов России, не предоставив ничего взамен. Издержки этой ошибки несли не чиновники Международного валютного фонда, предоставившие кредит, не Соединенные Штаты, оказывавшие на них давление, и не западные банкиры и олигархи, получившие выигрыш от этого кредита, а российские налогоплательщики.

Однако у кризиса все же был один положительный аспект: девальвация стимулировала развитие конкурирующих с импортом секторов российской экономики, и товары, действительно производимые в России, наконец, стали захватывать все большую долю местного рынка. Это «непреднамеренное следствие», в конечном счете, привело к давно ожидаемому росту реальной (в отличие от теневой) экономики России. В этом провале присутствовала определенная ирония судьбы: предполагалось, что макроэкономика является сильной стороной Международного

валютного фонда, и тем не менее даже в этой области фонд потерпел провал. Эти макроэкономические ошибки наложились на другие ошибки и в значительной степени способствовали огромному по масштабам спаду.

4. ПРОВАЛ ТРАНСФОРМАЦИИ

Редко когда разрыв между ожиданиями и реальностью оказывался большим, чем в случае перехода от коммунизма к рынку. Предполагалось, что комбинация приватизации, либерализации и децентрализации быстро приведет, возможно, после непродолжительного трансформационного спада, к существенному увеличению объемов производства. Ожидалось, что выгоды от трансформации будут большими в долгосрочном периоде по сравнению с краткосрочным, по мере замены старого неэффективного оборудования и появления нового поколения предпринимателей. Полная интеграция в глобальную экономику со всеми выгодами, которые она несет, также должна была произойти быстро, если не моментально.

Эти ожидания относительно экономического роста не оправдались не только в России, но и в *большинстве* стран с переходной экономикой. Лишь несколько бывших коммунистических стран – таких как Польша, Венгрия, Словения и Словакия – имеют ВВП, равный тому, который был десятилетие назад. В остальных странах масштабы падения доходов были столь большими, что их весьма сложно осознать. Согласно данным Всемирного банка, в настоящее время ВВП России составляет менее двух третей от ВВП 1989 г. (World Bank (2000)). Самым впечатляющим является спад в Молдове; сегодня объемы производства составляют менее трети того, что было десять лет назад. ВВП Украины в 2000 г. составлял всего лишь треть уровня десятилетней давности.

Многочисленные данные указывали на верные симптомы болезни России. Россия быстро превращалась из промышленного гиганта – страны, которая смогла послать на орбиту первый искусственный спутник Земли, – в страну-экспортера природных ресурсов (природные ресурсы, и в особенности нефть и газ, обеспечивали более половины всего экспорта). В то время как западные советники по проведению реформ писали книги с такими названиями, как «Наступление бума в России» или «Как Россия стала рыночной экономикой», непосредственные данные не позволяли всерьез воспринимать радужные картины, которые они рисовали, а более беспристрастные наблюдатели писали такие книги, как «Распродажа века: дикое путешествие России от коммунизма к капитализму».⁷

Масштабы падения ВВП в России (не говоря уже о других бывших коммунистических странах) являются предметом споров. Некоторые экономисты утверждают, что вследствие роста объемов и влияния неформального сектора экономики – от уличных торговцев до водопроводчиков, маляров и других лиц, оказывающих услуги, чья экономическая деятель-

⁷ См. Freeland (2000); Layard, Parker (1996); Aslund (1995).

ность, как правило, не находит отражения в статистике национального дохода, – данные цифры преувеличивают масштабы спада. Однако другие экономисты утверждают, что в силу широкого распространения бартерных сделок в экономике России (свыше 50% объема продаж в промышленности)⁸, а «рыночные» цены, как правило, превышают «бартерные», статистика в действительности недооценивает спад.

С учетом всего этого, тем не менее, существует консенсус относительно того, что большинство индивидов столкнулось с существенным ухудшением уровня жизни, что нашло отражение во множестве социальных показателей. В то время как в остальном мире продолжительность жизни заметно увеличивалась, в России она была более чем на три года меньше, а в Украине почти на три года меньше. Данные опросов домашних хозяйств об объемах потребления – о том, что они едят, сколько денег тратят на покупку одежды и в каком типе жилья проживают, – подтверждают существенное снижение уровня жизни населения, сопоставимое с тем, которое можно было оценить исходя из данных о падении ВВП. Учитывая, что государственные расходы на оборону снижались, уровень жизни должен был увеличиться даже в большей степени, чем ВВП. Чтобы рассмотреть это с другой стороны, предположим, что каким-то образом расходы на потребление могли остаться на прежнем уровне, а треть военных расходов могла пойти на финансирование нового производства потребительских товаров; при этом реструктуризации с целью повышения экономической эффективности или получения преимуществ от новых торговых возможностей не было. В таком случае потребление – уровень жизни – увеличилось бы на 4%, что является небольшим показателем, но все же намного лучшим, чем его фактическое снижение.

4.1. Рост бедности и неравенства

Данная статистика не говорит обо всей истории трансформации в России. Она игнорирует одно из наиболее важных достижений – выгоды от новой демократии, сколь бы несовершенной она ни была. Но она также игнорирует и один из наиболее важных провалов – рост бедности и неравенства.

В то время как размер национального экономического пирога уменьшался, он делился все более и более неравномерно, так что средний россиянин получал все меньшую и меньшую его часть. В 1989 г. только 2% проживающих в России находились за чертой бедности. К концу 1998 г. их количество резко увеличилось до 23.8%, если использовать в качестве показателя доход в размере 2 долл. в день. Согласно опросу, проведенному Всемирным банком, более 40% населения страны получали доход менее 4 долл. в день. Статистика по детям выявила еще более глубокую проблему: более 50% детей проживало в семьях, находящихся за чертой

---

⁸ Относительно последствий и издержек бартера для российской экономики см. Gaddy, Ickes (1998).

бедности. В других посткоммунистических странах имел место сопоставимый, если не больший, рост бедности.⁹

Вскоре после моего назначения во Всемирный банк я начал более пристально наблюдать за событиями и за применяемыми стратегиями. Когда я высказал свои соображения по этим вопросам экономисту из банка, игравшему ключевую роль в процессе приватизации, он отреагировал весьма горячо, приведя в качестве примера «пробки» из автомобилей, покидающих Москву летом на выходные, среди которых было множество «мерседесов», и магазины, заполненные импортными товарами роскоши. Это была картина, существенно отличающаяся от пустых и бесцветных прилавков магазинов при прежнем режиме. Я согласился с тем, что значительное количество людей достаточно разбогатели, чтобы стать причиной автомобильных «пробок» или создать спрос на обувь от Гуччи и другие импортные предметы роскоши, спрос, достаточный для обеспечения процветания некоторых магазинов. На многих европейских курортах богатые россияне сменили богатых арабов, которые преобладали там два десятилетия назад. На некоторых из этих курортов даже указатели на улицах были написаны на русском языке наряду с национальным языком. Но автомобильные пробки из «мерседесов» в стране с уровнем дохода на душу населения в 4730 долл. (по состоянию на 1997 г.) являются свидетельством ее болезни, а не здоровья. Это четкое свидетельство того, что богатство общества концентрируется в среде небольшой группы людей, а не распределяется между многими членами общества.

В то время как в процессе трансформации существенно возросло количество находящихся за чертой бедности и лишь немногие достигли вершины благосостояния, российский средний класс, по-видимому, принял на себя самый сильный удар. Прежде всего, как мы видели, инфляция обесценила их скудные сбережения. Без индексации заработной платы с учетом инфляции реальные доходы данной группы населения сократились. Уменьшение расходов на образование и здравоохранение привело к еще большему снижению уровня жизни. Те, кто мог, эмигрировали из страны. (В некоторых странах, таких как Болгария, население сократилось на 10% и более, а количество образованной рабочей силы уменьшилось еще сильнее.) Способные студенты из России и других республик бывшего Советского Союза, с которыми я встречался, интенсивно работали ради единственной мечты – переехать на Запад. Подобные потери имеют важное значение с точки зрения не только того, что они в настоящее время означают для тех, кто проживает в России, но и того, что они означают для будущего: исторически средний класс имел ключевое значение в процессе построения общества, основанного на верховенстве закона и демократических ценностях.

---

⁹ Совершенно очевидно, что трансформация не принесла выигрыша бедным. Например, нижний квинтиль населения имел долю дохода, равную 8.6% в России (в 1998 г.), 8.8% в Украине (в 1999 г.) и 6.7% в Казахстане (в 1996 г.) (World Bank (2001)).

Масштабы усиления неравенства, равно как масштабы и продолжительность экономического спада, для многих явились сюрпризом. Эксперты ожидали лишь некоторого усиления неравенства или, по крайней мере, неравенства умеренного. В рамках старого режима доходы поддерживались приблизительно на одном уровне путем устранения различий в заработной плате. Несмотря на то что коммунистическая система не делала жизнь более легкой, она позволяла избегать крайней нищеты и поддерживала относительно равный уровень жизни путем обеспечения высокого общего качества образования, жилья, здравоохранения и охраны детства. С переходом к рыночной экономике плоды своих усилий будут пожинать те, кто много и эффективно работал, так что некоторый рост неравенства неизбежен. В то же время ожидалось, что в России не произойдет усиления неравенства, обусловленного передачей богатства по наследству. Без этого унаследованного неравенства в распределении доходов существовала надежда на более эгалитаристский характер рыночной экономики. Насколько же иной оказалась ситуация! В настоящее время уровень неравенства в России является сопоставимым с наивысшим в мире в тех латиноамериканских обществах, которые были основаны на полуфеодальном наследовании.¹⁰

Россия оказалась в наихудшей из всех возможных ситуаций, испытав огромное падение объемов производства и огромное усиление неравенства распределения доходов. И прогнозы на будущее мрачные: высокая степень неравенства препятствует экономическому росту, в особенности, когда она ведет к социальной и политической нестабильности.

5. КАК НЕАДЕКВАТНАЯ ПОЛИТИКА ПРИВЕЛА К ПРОВАЛУ ТРАНСФОРМАЦИИ

Мы уже рассмотрели некоторые направления, посредством которых политика, основанная на Вашингтонском консенсусе, способствовала провалу трансформации: неправильно осуществленная приватизация привела не к повышению эффективности или экономическому росту, а к выводу активов и спаду. Мы увидели, что проблемы были осложнены взаимовлиянием реформ, а также их темпами и последовательностью: либерализация рынка капитала и приватизация упростили процесс вывода денег из страны; приватизация, осуществленная до создания правовой инфраструктуры, расширила возможности и стимулы для вывода активов, а не инвестирования в будущее страны. Полное описание происходящего и полный анализ того, каким образом программы МВФ привели к спаду в экономике, требуют

¹⁰ Если использовать стандартный показатель неравенства (коэффициент Джини), то к 1998 г. Россия достигла уровня неравенства, в два раза превышающего уровень Японии, на 50% – уровень Великобритании и других европейских стран, и уровня, сопоставимого с Венесуэлой и Панамой. Между тем, те страны, которые проводили градуалистскую политику – Польша и Венгрия, – смогли сохранить неравенство распределения доходов на низком уровне – в Венгрии оно было даже ниже, чем в Японии, а в Польше – ниже, чем в Великобритании.

отдельной книги. Здесь я хотел бы в нескольких словах рассмотреть три примера. В каждом случае защитники Международного валютного фонда скажут, что положение было бы еще хуже, если бы не их программы. Применительно к некоторым случаям – таким как отсутствие политики конкуренции – МВФ будет настаивать на том, что подобная политика являлась составной частью их программы, но, увы, Россия ее не выполнила. Подобная защита наивна: при множестве оговорок программа МВФ содержала *все* необходимое. Однако в России знали, что когда страна неизбежно окажется в тяжелой ситуации и Международный валютный фонд пригрозит урезать помощь, власти проведут тяжелые переговоры, будет заключено соглашение (которое, как правило, не будет выполнено), и денежный кран вновь будет открыт. Важными были целевые ориентиры роста денежной массы, величина дефицита бюджета и скорость приватизации – количество фирм, перешедших в частный сектор экономики; при этом никогда не уделялось внимания тому, каким образом этого достичь. Все остальное было вторичным; многое – как политика конкуренции – фактически было показухой, защитой от критики, которая утверждала, что МВФ упустил важные элементы стратегии успешной трансформации. Поскольку я постоянно требовал проведения более жесткой политики конкуренции, те, кто находился в самой России и был согласен со мной, кто пытался создать действительно рыночную экономику, создать эффективный орган по обеспечению конкуренции, постоянно благодарили меня.

Решить, на чем акцентировать внимание, определяя приоритеты, – непросто. Учебники по экономической теории зачастую служат здесь слабым руководством. Экономическая теория утверждает, что для эффективного функционирования рынков должны существовать конкуренция и частная собственность. Если бы реформирование было простым делом, можно было бы получить и то, и другое лишь по мановению волшебной палочки. Международный валютный фонд решил сделать акцент на приватизации, уделяя мало внимания конкуренции. Этот выбор, пожалуй, не был неожиданностью: предприятия и финансово-промышленные группы зачастую противодействовали политике конкуренции, поскольку такая политика ограничивает их возможности получения прибыли. Последствия ошибки МВФ были здесь гораздо более серьезными, чем просто высокие цены: приватизированные предприятия, не ограниченные эффективной антимонопольной политикой, стремились создать монополии и картели, чтобы увеличить свою прибыль. А, как это часто случалось, монополия прибыль подтвердила свою особую привлекательность для тех, кто желает прибегнуть к мафиозным методам для завоевания доминирующей доли на рынке или для осуществления тайного сговора.

5.1. Инфляция

Ранее мы увидели, как быстрая либерализация, осуществленная в начале процесса трансформации, привела к всплеску инфляции. Печальная сто-

рона истории России заключалась в том, что за одной ошибкой следовала другая, что усугубляло последствия.

Международному валютному фонду и режиму Ельцина, породившим высокую инфляцию посредством резкой либерализации цен в 1992 г., необходимо было ее обуздать. Но умеренность никогда не была сильной стороной МВФ, и его чрезмерное рвение привело к излишнему росту процентных ставок. Имеется мало доказательств того, что снижение инфляции до умеренного уровня ведет к увеличению темпов экономического роста. Страны, достигшие наибольшего успеха, такие как Польша, игнорировали давление МВФ и поддерживали инфляцию на уровне около 20% в критические годы макроэкономической адаптации. Ученики-отличники Международного валютного фонда, такие как Чехия, снизившие инфляцию до 2%, получили в результате стагнацию своей экономики. Есть несколько убедительных причин считать, что чрезмерное рвение в борьбе с инфляцией может замедлить реальный экономический рост. Высокие процентные ставки, очевидно, подавляют новые инвестиции. Многие новые, приватизированные предприятия, даже те, которые начали свою деятельность, не имея намерений разграбить полученное, поняли, что они не смогут расширить масштабы производства и потому переключились на вывод активов. Навязываемые МВФ высокие процентные ставки породили завышенный обменный курс, что удешевило импорт и затруднило экспорт. В таком случае, нет ничего удивительного в том, что любой турист, посетивший Москву после 1992 г., мог увидеть магазины, заполненные импортной одеждой и другими товарами, но не обнаружить при этом изобилия товаров с надписью «сделано в России». И это было справедливо даже спустя пять лет после начала трансформации.

Кроме того, жесткая монетарная политика способствовала использованию бартера. В условиях нехватки денег рабочие получали заработную плату натурой – той продукцией, которая производилась их предприятием и имела в наличии, от туалетной бумаги до обуви. В то время как «блошинные» рынки, возникшие повсеместно по всей стране в силу того, что работники пытались получить наличные деньги, чтобы купить товары первой необходимости, создавали видимость предпринимательской деятельности, они служили маскировкой значительной неэффективности. Высокие темпы инфляции дорого обходятся экономике, поскольку мешают работе ценовой системы. Но еще более разрушительное воздействие на эффективную работу ценовой системы оказывает бартер, и чрезмерная жесткость монетарной политики просто привела к замене одного набора недостатков другим, возможно, еще более худшим.

5.2. Приватизация

Международный валютный фонд рекомендовал России провести приватизацию максимально быстрыми темпами; методы проведения приватизации считались второстепенным вопросом. Многие из провалов транс-

формации, о которых написано выше, в частности снижение доходов и рост неравенства, могут быть напрямую увязаны с этой ошибкой. В обзоре Всемирного банка десятилетней истории стран с переходной экономикой отмечается, что приватизация в отсутствие институциональной инфраструктуры (такой как корпоративное управление), очевидно, не оказывает положительного влияния на экономический рост.¹¹ В рамках Вашингтонского консенсуса приватизация снова получила неверную оценку. Легко проследить взаимосвязь между методами проведения приватизации и провалами трансформации.

Например, в России и других странах отсутствие законодательства, обеспечивающего хорошее корпоративное управление, означало, что те, кто мог получить контроль за корпорацией, имели стимул воровать активы у миноритарных акционеров; и, в отличие от акционеров, аналогичные стимулы имели менеджеры. Зачем тратить усилия на создание богатства, когда намного проще его украсть? Другие аспекты процесса приватизации, как мы видели, еще больше увеличивали и желания, и возможности воровства у корпораций. Как правило, приватизация в России вела к передаче крупных национальных предприятий в руки прежних руководителей. Эти инсайдеры знали, каким трудным и неизведанным является путь вперед. Даже если они и были склонны двигаться вперед, им хватало смелости не ждать создания рынков капитала и осуществления множества других изменений, которые потребовались бы, чтобы пожать все плоды от каких-либо инвестиций и проведения реструктуризации. Они сосредоточили усилия на том, что можно взять у предприятия в течение нескольких следующих лет, и слишком часто все это максимизировалось путем вывода активов.

Кроме того, предполагалось, что приватизация приведет к ограничению роли государства в экономике; но те, кто это предполагал, были слишком наивны в отношении роли государства в современной экономике. Оно оказывает свое влияние множеством способов на множестве уровней. Приватизация действительно способствовала ослаблению власти центра, но это привело лишь к существенному расширению дискреционных полномочий местных и региональных правительств. Такой город, как, скажем, Санкт-Петербург, или область (региональное правительство), наподобие Новгородской, могли использовать множество регулирующих и налоговых мер для получения «ренды» от фирм, действовавших под их юрисдикцией. В промышленно развитых странах существует верховенство закона, которое не позволяет местным и региональным правительствам злоупотреблять своей потенциальной властью; но к России это не относится. В промышленно развитых странах конкуренция между регионами вынуждает каждый из них попытаться создать более благоприятные условия для инвесторов. Но в стране, где высокие процентные ставки и общий спад в экономике делают подобные инвестиции в любом случае

---

¹¹ См. Stiglitz (2001).

маловероятными, местные правительства уделяют мало времени созданию благоприятной «среды для инвестиций» и вместо этого акцентируют внимание на рассмотрении того, сколь много они могут извлечь из действующих предприятий – так же, как поступали сами собственники и руководители недавно приватизированных предприятий. И когда эти приватизированные предприятия функционировали в рамках нескольких территориальных образований, власти одной территории полагали, что будет лучше быстро ухватить то, что еще можно, прежде чем другие запустят свои щупальца в эти активы. И это лишь усугублялось заинтересованностью самих менеджеров в том, чтобы захватить все что можно и максимально быстро. В конце концов, предприятия в любом случае окажутся разоренными. Это была дорога в пропасть. Стимулы выводить активы существовали на всех уровнях.

Подобно тому как радикальные реформаторы-приверженцы «шоковой терапии» утверждают, что проблема с либерализацией заключалась не в том, что она была слишком медленной, а в том, что она была недостаточно быстрой, то же самое можно сказать о приватизации. Например, когда Чехия удостоилась похвалы Международного валютного фонда, хотя эта страна действовала нерешительно, стало очевидно, что слова руководства разошлись с делами: Чехия оставила банки в руках государства. Если правительство приватизирует корпорации, но оставляет банки в руках государства или в условиях отсутствия системы эффективного регулирования, оно не создает жестких бюджетных ограничений, способствующих достижению эффективности, а, скорее, вступает на альтернативный, менее прозрачный путь субсидирования предприятий – и тем самым открывает дорогу коррупции. Критики чешской приватизации утверждают, что проблема заключалась не в том, что приватизация была проведена слишком быстро, а в том, что она была слишком медленной. Но ни одна страна не достигла успеха в приватизации всего, сразу же и эффективным образом, и, вероятно, что если бы правительство попыталось моментально осуществить приватизацию, то это привело бы лишь к сплошным неприятностям. Задача слишком сложна, а стимулы к должностным преступлениям слишком велики. Провал стратегии быстрой приватизации был предсказуем – и он был предсказан.

Приватизация в том виде, в каком она была осуществлена в России (как и во многих зависимых от России странах бывшего советского блока), не только не обеспечила экономический успех страны, она подорвала веру в правительство, демократию и реформы. Результатом раздачи богатых природных ресурсов до создания системы сбора налогов на их добычу явилось то, что несколько друзей и приятелей Ельцина стали миллиардерами, а страна оказалась не в состоянии выплачивать пенсионерам ежемесячную пенсию в размере 15 долл.

Наиболее вопиющим примером неудачной приватизации была программа «Кредиты в обмен на акции». В 1995 г. правительство, вместо того чтобы обратиться за необходимыми средствами к Центральному

банку, обратилось к частным банкам. Многие из этих частных банков принадлежали друзьям членов правительства, и им были предоставлены документы на право ведения операций. В условиях несовершенного банковского регулирования данные документы фактически представляли собой разрешение печатать деньги и выдавать кредиты самим себе, своим друзьям или правительству. Условием получения кредита было предоставление правительством дополнительного обеспечения в виде акций государственных предприятий. Затем – вот так сюрприз! – правительство оказывалось не в состоянии вернуть кредиты, частные банки приобретали предприятия путем, который можно рассматривать как фиктивную продажу (несмотря на то что формально правительство все же проводило «аукционы»), а несколько олигархов мгновенно становились миллиардерами. Такая приватизация не была политически легитимной. И, как отмечалось ранее, тот факт, что она не была легитимной, лишь сделал неотвратимым быстрый вывод олигархами денег из страны – прежде, чем пришло к власти новое правительство, которое могло бы попытаться пересмотреть результаты приватизации или подорвать позиции олигархов.

Те, кто получил щедрый дар от государства, или, если быть более точным, от Ельцина, упорно работали над тем, чтобы обеспечить его переизбрание. Несмотря на то что всегда считалось, что часть финансовой помощи Ельцину пошла на финансирование его предвыборной кампании, некоторые критики полагают, что по иронии судьбы олигархи оказались настолько сообразительными, чтобы не выделять на эти цели собственные деньги; для этого существовало множество государственных «смазочных фондов»*. Олигархи предоставили Ельцину нечто еще более ценное: современные методы проведения избирательных кампаний и позитивный имидж на контролируемых ими телевизионных каналах.

Последним этапом обогащения олигархов, небольшой группы людей (некоторые из которых, как сообщают, обязаны своим восхождением, по крайней мере частично, мафиозным связям), которые стали доминировать не только в экономической, но и в политической жизни страны, была схема «Кредиты в обмен на акции». В какой-то момент они добились контроля над 50% богатства страны! Защитники олигархов сравнивали их с американскими баронами-разбойниками**, Гарриманами и Рокфеллерами. Однако существует большая разница между деятельностью подобных персонажей в условиях капитализма XIX в., даже тех, кто сделал состояние на строительстве железных дорог и разработке месторождений на американском Диком Западе, и эксплуатацией России российскими же олигархами, которая получила название «Дикий Восток». Американские бароны-разбойники создавали богатство, даже если они делали на этом

---

* На американском политическом жаргоне – фонд для подкупа влиятельных лиц и проведения различных кампаний. – *Прим. перев.*

** Американскими капиталистами XIX в. – *Прим. перев.*

свои состояния. Они сделали страну гораздо богаче, даже если им и достался большой кусок большого пирога. Российские олигархи воровали активы, выводили их из страны, делая ее все беднее. Предприятия были доведены до грани банкротства, в то время как банковские счета олигархов пополнялись.

5.3. Социальный контекст

Государственные чиновники, проводившие политику Вашингтонского консенсуса, не смогли понять значение социального контекста стран с переходной экономикой. С учетом событий, произошедших за годы коммунизма, это породило дополнительные проблемы.

Рыночная экономика влечет за собой множество экономических взаимосвязей в виде актов обмена. Многие из этих актов построены на доверии. Индивид дает другому индивиду деньги взаймы, веря, что тот вернет деньги. Это доверие поддерживается судебной системой. Если индивиды не выполняют своих договорных обязательств, их могут заставить сделать это. Если индивид ворует у другого индивида имущество, его могут привлечь к суду. Однако в странах со зрелой рыночной экономикой и адекватной институциональной инфраструктурой индивиды и корпорации лишь изредка прибегают к судебному разрешению споров.

Экономисты зачастую называют тот «клей», который обеспечивает целостность общества, «социальным капиталом». Часто следствием эрозии «социального капитала» считают немотивированное насилие и мафиозный капитализм, но в некоторых республиках бывшего Советского Союза, которые я посетил, можно было практически повсеместно увидеть непосредственные и более острые проявления подобной эрозии. И эта проблема заключается не просто в неадекватном поведении отдельных руководителей предприятий; это фактически всеобщее беспорядочное воровство. Например, в Казахстане местность усеяна теплицами, в которых отсутствуют стекла. Совершенно очевидно, что без стекла они бесполезны. Однако в первые дни трансформации было столь мало уверенности в будущем, что каждый индивид хватал все, что можно: каждый полагал, что другие снимут стекло с его теплицы, в результате чего она (и их средства к существованию) будет разрушена. Но если теплица в любом случае была обречена на разрушение, то для каждого имело смысл хватать все, что можно, даже если стекло было очень дешевым.

Эрозии социального капитала содействовал путь, которым осуществлялась трансформация в России. Можно было разбогатеть не благодаря интенсивной работе или осуществлению инвестиций, а путем использования политических связей с целью приобретения за бесценок государственной собственности в процессе приватизации. Общественный договор, который связывает граждан и государство, был нарушен; пенсионеры виде-

ли, как государство разбазаривает ценные активы и при этом утверждает, что у него нет денег для выплаты пенсий.

Внимание Международного валютного фонда преимущественно к макроэкономическим вопросам – в частности к инфляции – привело к тому, что вопросы бедности, неравенства в распределении доходов и социального капитала были отброшены в сторону. Когда же указывалось на близорукость подобного подхода, МВФ говорил, что «инфляция особенно тяжело сказывается на бедных». Но его рекомендации по вопросам экономической политики не были предназначены для минимизации тяжелых последствий для бедных. Игнорируя влияние своей политики на положение бедных и социальный капитал, МВФ фактически ограничивал возможности достижения успеха на *макроэкономическом* уровне. Эрозия социального капитала привела к формированию среды, неблагоприятной для инвестиций. Недостаток внимания российского правительства (и Международного валютного фонда) к созданию минимальной сети социального обеспечения замедлил процесс реструктуризации, поскольку даже здравомыслящие менеджеры предприятий зачастую воздерживались от увольнения работников, зная, что существует лишь один шаг между увольнением и крайней нуждой, если не голодом.

5.4. Шоковая терапия

Продолжительные дискуссии о стратегии реформ в России касались скорости их осуществления. Кто же, в конце концов, оказался прав – сторонники «шоковой терапии» или «градуалисты»? Экономическая теория, акцентирующая внимание на вопросах равновесия и идеализированных моделях, может сказать о динамике, последовательности, времени и скорости проведения реформ гораздо меньше, чем этого хотелось бы – несмотря на то что экономисты Международного валютного фонда зачастую пытались убедить страны-клиенты в обратном. Участники дискуссий часто прибегали к метафорам с тем, чтобы убедить других в достоинствах своего подхода. Сторонники быстрых реформ говорили, что «нельзя перепрыгнуть пропасть в два прыжка», тогда как градуалисты утверждали, что для вынашивания ребенка необходимо девять месяцев, и говорили о переходе через реку с камня на камень. В некоторых случаях эти две точки зрения разделяли скорее различия в оценке перспектив, чем в оценке реальности. Я присутствовал на семинаре в Венгрии, где один участник сказал: «Мы должны провести реформы быстро! Их следует провести в течение пяти лет.» Другой сказал: «Мы должны провести реформы постепенно. Это займет пять лет.» Подавляющая часть дискуссий касалась в большей степени содержания, а не скорости реформ.

Мы уже познакомились с двумя положениями критики градуалистов: «поспешить – людей насмешить» (трудно полностью продумать эффективные реформы) и «важна последовательность проведения реформ».

Например, существуют важные предпосылки успешного проведения массовой приватизации, и создание этих предпосылок требует времени.¹² Российский специфический подход к реформированию продемонстрировал, что стимулы действительно имеют значение, но подобный тип суррогатного капитализма не обеспечил стимулов к созданию богатства и экономическому росту, а скорее подтолкнул к выводу активов. Быстрая трансформация породила беспорядочный Дикий Восток вместо спокойно функционирующей рыночной экономики.

5.5. Большевистский подход к рыночным реформам

Если бы радикальные реформаторы вышли за пределы своего узкого взгляда на экономическую теорию, они должны были обнаружить, что, как показывает история, эксперименты по проведению радикальной реформы в большинстве своем сопровождались серьезными проблемами. Это справедливо для Французской революции 1789 г., Парижской коммуны 1871 г., большевистской революции в России 1917 г. и для Китайской культурной революции 1960-х и 1970-х гг. Нетрудно определить силы, инициировавшие любую из этих революций, но каждая из них породила своего Робеспьера, своих политических лидеров, либо развращенных революцией, либо доведших ее до крайности. В противоположность этому успешная американская «революция» не была социальной революцией в подлинном смысле этого слова; *революционным* изменениям подверглась лишь политическая структура, а изменения структуры общества носили *эволюционный* характер. В России радикальные реформаторы пытались одновременно изменить революционным путем и экономический режим, и структуру общества. Наиболее печальным следствием этого является то, что они потерпели неудачу на обоих направлениях. Была создана рыночная экономика, в которой многие старые партийные аппаратчики просто наделялись еще большими полномочиями в руководстве и получении прибыли на предприятиях, где они управляли ранее, и в которой рычаги власти по-прежнему находились в руках бывших сотрудников КГБ. Однако появился и

---

¹² Например, если провести либерализацию рынков капитала до создания благоприятного инвестиционного климата у себя в стране – как это рекомендовал Международный валютный фонд – то результатом такой политики будет бегство капитала. Если приватизировать предприятия до создания эффективных рынков капитала у себя в стране таким образом, чтобы собственность и/или контроль перешла в руки тех, кто близок к выходу на пенсию, то стимулы к созданию богатства в долгосрочном периоде будут отсутствовать; будут существовать стимулы к выводу активов. Если провести приватизацию до создания регулирующей и правовой инфраструктуры, содействующей конкуренции, то будут иметь место стимулы к созданию монополий и *политические* стимулы препятствовать созданию режима эффективной конкуренции. Если проводить приватизацию на федеральном уровне, но оставить региональным и местным органам власти свободу введения налогов и правил регулирования по своему усмотрению, то невозможно будет ограничить власть и стимулы этих органов власти извлекать ренту; в некотором смысле никакой реальной приватизации не будет вообще.

новый аспект: несколько олигархов, имеющих желание и возможности использовать свою огромную политическую и экономическую власть.

Фактически радикальные реформаторы использовали стратегии большевиков, хотя и позаимствовали их из разных источников. Большевики в период после революции 1917 г. пытались навязать коммунизм сопротивляющейся стране. Они утверждали, что строительство социализма должно было, по мнению элиты, «вывести» (зачастую, если использовать эвфемизм, «наильно») массы на правильный путь, который сами массы вовсе не обязательно считали желательным или наилучшим. Аналогичным образом, во время «новой» посткоммунистической революции в России элита, возглавляемая международными бюрократами, попыталась навязать быстрые изменения сопротивляющемуся населению.

Те, кто выступал за большевистский подход, по-видимому, не только игнорировали историю подобных радикальных реформ, но и были убеждены в том, что политические процессы будут развиваться по пути, примеров которого история еще не знала. Например, такие экономисты, как Андрей Шлейфер, признававший значение институциональной среды для функционирования рыночной экономики, полагали, что приватизация, независимо от того, каким образом она проводится, приведет к формированию политического спроса на институты, регулирующие частную собственность.

Аргументацию Шлейфера можно рассматривать как (необоснованное) расширение теоремы Коуза. Экономист Рональд Коуз, получивший за свою работу Нобелевскую премию, утверждал, что для достижения максимальной экономической эффективности существенное значение имеют четко определенные права собственности. Даже если распределить активы среди тех, кто не знает, как ими правильно управлять, то в обществе с четко определенными правами собственности данное лицо будет заинтересовано в продаже этих активов кому-либо, кто смог бы управлять ими эффективно. Именно поэтому сторонники быстрой приватизации утверждали, что в действительности нет никакой необходимости уделять особое внимание тому, каким образом осуществляется приватизация. В настоящее время сложилось убеждение, что предположение Коуза имеет силу в достаточно жестких условиях, которые однозначно не выполнялись в России в начале трансформации.¹³

---

¹³ Саму теорему Коуза см. в Coase (1960). Данная теорема справедлива только в отсутствие трансакционных издержек и несовершенства информации. Сам Коуз признавал значение этих ограничений. Более того, полностью специфицировать права собственности практически невозможно, и это особенно справедливо в отношении стран с переходной экономикой. Даже в промышленно развитых странах права собственности ограничены соображениями охраны окружающей среды, правами рабочих, районированием и т.д. Хотя закон и может быть максимально четким по этим вопросам, нередко возникают споры, и их приходится разрешать посредством судебных процессов. К счастью, в условиях наличия «верховенства закона» существует общая уверенность в том, что это происходит справедливо и беспристрастно. Но к России это не имеет отношения.

Шлейфер и компания, однако, пошли в развитии идей Коуза еще дальше, чем это сделал бы сам Коуз. Они полагали, что политическими процессами можно управлять точно так же, как и экономическими процессами. Если бы можно было создать какую-либо группу, заинтересованную в неприкосновенности частной собственности, то она потребовала бы формирования институциональной инфраструктуры, необходимой для функционирования рыночной экономики, и ее потребности повлияли бы на ход политического процесса. К сожалению, длительная история политических реформ убеждает в том, что значение имеет также распределение доходов. Именно средний класс предъявлял спрос на реформы, которые часто называют реформами, направленными на установление «верховенства закона». Самые богатые обычно чувствуют себя намного лучше за закрытыми дверями, выпрашивая специальные льготы и привилегии. Безусловно, сильная политика конкуренции не была потребностью Рокфеллеров или империи Билла Гейтса. Сегодня в России мы также не видим спроса на политику сильной конкуренции со стороны олигархов, которые являются новыми монополистами. Спрос на верховенство закона исходил от тех олигархов, кто приобрел свое благосостояние путем особых закулисных сделок с Кремлем, и только в том случае, когда они были уверены в своем влиянии на российских правителей.

Олигархи, стремившиеся к контролю над средствами массовой информации с целью поддержания собственной власти, предъявляли спрос на свободные средства массовой информации, не принадлежащие небольшой группе людей, но только в том случае, когда правительство пыталось силой лишить их власти. В большинстве развитых демократических стран средний класс, которому приходится платить монопольные цены, не стал бы долго терпеть подобную концентрацию экономической власти. Американцы уже давно поняли опасность концентрации власти в средствах массовой информации, и та степень концентрации власти в СМИ, которая характерна для современной России, была бы в США неприемлемой. Несмотря на это, официальные лица Соединенных Штатов и Международный валютный фонд уделяли мало внимания опасности концентрации власти в средствах массовой информации; скорее, они акцентировали внимание на скорости проведения приватизации и признаках того, что процесс приватизации идет достаточно быстро. Они утешали себя, а возможно, даже гордились тем фактом, что сконцентрированные в частных руках средства массовой информации использовались, и использовались эффективно, для сохранения власти их друзей – Бориса Ельцина и так называемых реформаторов.

Одной из причин, почему необходимы активные и требовательные средства массовой информации, является обеспечение гарантий того, что принятые решения отражают интересы всего общества, а не отдельной группы людей. Именно в силу отсутствия общественного контроля продолжала существовать коммунистическая система. Одним из последствий провала создания в России эффективных, независимых и конкурентных

средств массовой информации явилось то, что политика – такая, как программа «Кредиты в обмен на акции», – не подвергалась общественной критике, чего она, несомненно, заслуживала. Однако даже на Западе, как в международных экономических институтах, так и в Министерстве финансов США, критические замечания в адрес российской политики высказывались большей частью за закрытыми дверями. Многие из того, что происходило в тот период времени, было неизвестно ни западным налогоплательщикам, которым, как предполагалось, должны быть подотчетны эти институты, ни российскому народу, заплатившему окончательную цену. Только сейчас мы задаемся вопросом, кто и почему потерял Россию. Ответы, как мы начинаем понимать, неутешительны.

ЛИТЕРАТУРА

Aslund, A. (1995) *How Russia Became a Market Economy*, Washington, Brookings Institution. (Рус. перев. – Ослунд А. (1996) *Россия: рождение рыночной экономики*, Москва, Республика. – Здесь и далее – прим. перев.)

Brady, R. (1999) *Capitalism: Russia's Struggle to Free Its Economy*, New Haven, Yale University Press.

Brown, A., Shevtsova, L.F. (eds) (2000) *Gorbachev, Yeltsin, and Putin: Political Leadership in Russia's Transition*, Washington, Carnegie Endowment for International Peace.

Coase, R.H. (1960) The Problem of Social Costs, *Journal of Law and Economics*, 3, 1, 1–44. (Рус. перев. – Коуз Р. (1993) Проблема социальных издержек, Коуз Р., *Фирма, рынок и право*, Москва, Дело, 87–141.)

Cohen, A. (1998) Russia's Meltdown: Anatomy of the IMF Failure, *Heritage Foundation Background Paper*, 1228, October 23.

Cohen, S.F. (2000) *Failed Crusade*, New York, W.W. Norton.

Ellerman, D., Stiglitz, J.E. (2000) New Bridges Across the Chasm: Macro- and Micro-Strategies for Russia and Other Transition Economies, *Zagreb International Review of Economics and Business*, 3, 1, 41–72.

Freeland, C. (2000) *Sale of the Century: Russia's Wild Ride From Communism to Capitalism*, New York, Crown.

Gaddy, C.G., Ickes, B.W. (1998) Russia's Virtual Economy, *Foreign Affairs*, 77, September–October.

Hough, J.F., Armacost, M.H. (2001) *The Logic of Economic Reform in Russia*, Washington, Brookings Institution.

Hussain, A., Stern, N., and Stiglitz, J.E. (2000) Chinese Reforms From a Comparative Perspective, P.J. Hammond, G.D. Myles (eds), *Incentives, Organization, and Public Economics. Papers in Honor of Sir James Mirrlees*, Oxford, Oxford University Press, 243–277.

IMF (1998) IMF Approves Augmentation of Russia Extended Arrangement and Credit Under CCFF; Activates GAB, *IMF Press Release*, 31, July 20.

Klein, L.R., Pomer, M. (eds) (2001) *The New Russia: Transition Gone Awry*, Palo Alto, Stanford University Press.

Layard, R., Parker, J. (1996) *The Coming Russian Boom: A Guide to New Markets and Politics*, New York, Free Press.

Lloyd, J. (1999) Who Lost Russia? *New York Times*, August 15.

McFaul, M. (2001) *Russia's Unfinished Revolution: Political Change From Gorbachev to Putin*, Ithaca, Cornell University Press.

Murrell, P. (1991) Can Neo-Classical Economics Underpin the Economic Reform of the Centrally Planned Economies? *Journal of Economic Perspectives*, 5, 4, 59–76.

Reddaway, P., Glinski, D. (2001) *The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism Against Democracy*, Washington, United States Institute of Peace.

Stiglitz, J.E. (2000) Whither Reform? Ten Years of the Transition, B. Pleskovic, J.E. Stiglitz (eds), *Proceedings of the Annual Bank Conference on Development Economics*, Washington, World Bank, 27–56. (Рус. перев. – Стиглиц Дж. (1999) Куда ведут реформы? (К десятилетию начала переходных процессов), *Вопросы экономики*, 7, 4–30.)

Stiglitz, J.E. (2001) Quis Custodiet Ipsos Custodes? (Who Is to Guard the Guards Themselves?), J.E. Stiglitz, P.-A. Muet (eds), *Governance, Equality, and Global Markets: Proceedings of the Annual Bank Conference on Development Economics*, Washington, World Bank, 22–54.

Wedel, J.R. (1998) Aid to Russia, *Foreign Policy*, 3, 25, September.

World Bank (2001) *World Development Indicators*, Washington, World Bank.